
ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Е.В. Алёхина

Кафедра философии
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 107846

В статье представлен критический анализ русскими религиозными философами начала XX века утопической и нигилистической идеологии и особенностей рациональности революционной интеллигенции. В центре авторского внимания — идеи авторов сборника «Вехи», не утратившие своего значения для понимания причин неблагополучия в социально-экономической и гуманитарной сферах посткоммунистического общества.

Ключевые слова: интеллигенция, русская религиозная философия, рациональность, методология социально-философского познания.

В изучении феномена интеллигенции мы встречаем различные подходы: социально-политический и духовный, мировоззренческий. Сходясь в том, что интеллигенция — это социальная группа образованных людей, занятых преимущественно умственным трудом, русские марксисты подчеркивали зависимость интеллигенции от классов и политических группировок, интересы которых она «отражает и выражает», ее неоднородность и «шаткость». Отсюда следовал узко идеологический диктат — пресечение инакомыслия, репрессии со стороны власти.

В немарксистской философии, напротив, подчеркивалась идейно-воспитательная, просветительская функция русской интеллигенции, предназначение которой — утверждение национального самосознания, творческое развитие и распространение культуры. С высоты этих задач интеллигенция рассматривалась как культурная элита российского общества, которая имеет высокую степень воздействия на общественную жизнь.

Не отрицая правомерности такого взгляда, мы хотели бы остановиться на ином подходе, который объясняет суть трагических событий русской истории XX века, движущей силой которых была интеллигенция. Именно этот подход существует в истории отечественной религиозно-философской мысли, в которой интеллигенция определяется как конкретно-историческое явление, характерное для русской истории и связанное с увлечением образованной частью общества революционной идеологией.

Начало XX века оказалось переломным для интеллигенции. «Переболев марксизмом», на позиции религиозного сознания перешли многие представители русской интеллигенции, которые переместили центр своей философии с внешней (социально-политической борьбы за освобождение народа) во внутреннюю, духовно-нравственную сферу личности.

Этот мировоззренческий перелом, связанный с осмыслением социально-политического кризиса страны, обозначил начало нового религиозно-идеалистического движения в культуре XX века, отмеченного напряженными экзистенциальными исканиями смысла истории. Началом этой линии был выход сборника «Вехи» (1909), в котором его авторы, следуя идеям славянофилов, Достоевского, В. Соловьёва, выступили с критикой революционных идей интеллигенции, их материалистических и позитивистских основ.

Обсуждая различные модели развития России, веховцы смогли связать историософскую тему с социально-философской и антропологической проблематикой. Народнический идеал «народного счастья» оказался ложной идеей, приманкой и прикрытием разрушительных устремлений интеллигенции. Для русских философов начала XX века это стало очевидно из опыта первой революции и набирающего силу революционного террора против высшей и исполнительной власти государства.

Отметим, прежде всего, важность констатации философами идейного и мировоззренческого раскола в культурной элите российского общества и его катастрофические последствия для общества.

М. Гершензон формулирует суть идейных расхождений: с одной стороны, утверждение теоретического и практического первенства духовной жизни общества, культуры над политическими и социальными сферами, первенства личности в качестве «единственно-прочного базиса для всякого общественного строительства»; с другой стороны, — интеллигентская идеология, признающая безусловный примат социальной сферы, «среды» над личностью и радикальные, насильственные формы политической борьбы за изменение форм собственности и системы власти в государстве (осмысленный ими впоследствии как феномен большевизма). С этой точки зрения революция становилась высшим благом и средством для достижения социальной справедливости.

Для русских философов эта идеология глубоко ошибочна, поскольку противоречит естеству человеческого духа, другими словами, антропологически не обоснована и потому практически бесплодна. Антигосударственность и сектантство, «отщепенство», узко классовый интерес и безразличие к национальным интересам, политический экстремизм и леворадикальный терроризм под лозунгом революции — главные особенности идеологии радикальной интеллигенции, выявленные русскими религиозными философами.

Веховцы отмечали опасность крайнего утилитаризма, политизации и идеологизации как для национальной культуры, так и для самой интеллигенции, которая отличалась, по замечанию Н. Бердяева, низкой философской культурой, отсутствием интереса к отечественной философии, догматизмом, узостью мышления и элементарным невежеством наряду с поверхностным усвоением европейских идей. Пагубные плоды «увлечения материализмом — самой элементарной и низкой формой философствования» стали очевидны позже. Бердяев назовет новую интеллигенцию «интеллигенщиной», А.Ф. Степун — «революционным орденом», А.И. Солженицын — «образованщиной».

В нашей литературе много писалось о духовной оторванности подавляющей части революционной интеллигенции от народа, что позволило исследователям назвать этот слой «малым народом», противопоставляющим себя национальной России и большинству ее народа. Русские философы начала XX века не используют это понятие, но по существу раскрывают его, исследуя историю и логику идейного формирования интеллигенции. С. Булгаков относит ее возникновение к петровской эпохе, когда в Россию «вошел западный воздух, одновременно животельный и ядовитый». Новое петровское дворянство XVIII века, ориентируясь на европейскую культуру, стремилось отгородиться от простого народа, и к концу века становилось для своих простых соотечественников «иностранцем».

В связи с понятием «малый народ» уточним понятие «народ», составляющее «большое тело» культуры. Это историческая общность людей, объединенных в духовное целое священными понятиями — земля, язык, кровь, вера, культура, историческая судьба, которые в неразрывном единстве превращают большие группы людей в народ. Вычленение из этого единства одного или несколько элементов нарушает духовную цельность и ведет к гибели народа. Народ, объединенный в государство общей верой или идеологией, называется нацией [1. С. 483]. Раскол единого великого народа и появление «малых народов», разрушающих это единство, шел в нескольких направлениях, захватывая различные слои общества: раскольники XVII века, масонствующее дворянское сословие, русская революционная интеллигенция XIX века, увлеченная западной либеральной культурой, отчужденность которой от народа переросла в настоящий террор против государства.

Таким образом, природа русской интеллигенции отмечена трагической двойственностью. С одной стороны, страна не может обойтись без приобщения к достижениям мировой культуры, с другой, — она обречена на катастрофу, если культурная элита разрушает основы национальной культуры именем европейской цивилизации, навязывая обществу искусственные абстрактные схемы, лишённые национальной конкретности. Причину разрыва, даже антагонизма между народной и интеллигентской культурой С. Булгаков видит в отношении к религии: «Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания» [2. С. 34]. В противоположность этому направлению представители русской культуры, прежде всего выдающиеся писатели и философы, были православными христианами, и поэтому их творчество можно назвать близким к народной психологии.

Анализируя феномен русской интеллигенции, С. Булгаков делает важное замечание: атеизм к нам пришел с Запада и поэтому присущ именно «западникам», которые из многообразной и сложной западной культуры выбрали крайние формы философии просветительства с его догматами материализма, социализма и атеизма. Но если учение просветительства на Западе, по образному выражению Булгакова, «обеззараживалось» религиозными в значительной степени основами европейской культуры, здоровым консерватизмом и даже рационалистическим скептицизмом, то, появившись в России, оно притязает быть единственным, ста-

новится фундаментом русской цивилизации. «Но на таком фундаменте, — замечает он, — не была построена еще ни одна культура» [Там же. С. 37]. Поэтому Булгаков призывает бороться не только за русскую культуру, но и за более грамотное, критическое и глубокое западничество.

Вместе с атеизмом интеллигенция воспринимает религию человекобожества, или светского гуманизма, с присущими ей устойчивыми психологическими и гносеологическими признаками: самодовольство и уверенность в собственной непогрешимости, притупление критического сознания, фанатизм и глухота к голосу жизни, неприспособленность и бессилие в практических вопросах, нетерпеливость и авантюризм, прямолинейный рационализм и механицизм. С психологической точки зрения интеллигентский героизм наиболее импонировал учащейся молодежи, склонной к романтике и риску, нигилизму, самоуверенности, бунтарству, безответственному критиканству. С. Булгаков называет это явление «духовной педократией» и считает величайшим злом, которое в виде принципиальной незрелости остается у интеллигента на всю жизнь. Вообще нигилист и атеист находится, по его словам, в «религиозном детстве», а отсутствие чувства греха равносильно «духовному маразму» и приводит к вырождению личности и зависимости от воли «вождя» или от истерии толпы. Не случайно интеллигенция, не заботясь о культуре личности, все силы расходует на внешнюю политическую борьбу, считая это настоящим «действием». Но, замечает Булгаков, дело неотделимо от деятеля, а дело без Бога, без культуры терпения, смирения, ответственности обречено на провал.

С. Булгаков обозначил «идейную одержимость» части интеллигенции как поклонение идолу Теории революции и доктринёрство. В дополнение к этой оценке Е.Н. Трубецкой отмечал ее максимализм: «нельзя жить, пока не восторжествуют в полном объеме наши священные формулы».

Революция и социализм понимаются интеллигенцией не как процесс постепенного социально-экономического преобразования, который складывается из ряда частных и вполне конкретных реформ, не как «историческое движение (что клеймилось «ревизионизмом»», а как надисторическая «конечная цель», «социальное чудо». Выходит, что путь решения трагического смысла человеческой жизни — в кардинальном разрушении всего существующего порядка, всей социальной системы, в ненависти.

По убеждению русских философов, революция не имеет положительного содержания, она выражает аморализм и нигилизм общества, ведет к разнузданию темной стихии человеческих страстей, вседозволенности («беспределу») в средствах разрушения. Революция криминальна, и другой быть не может.

История подтвердила этот вывод философов.

Сверхзадача, которую ставила революционная интеллигенция, нарушала естественный органический ход вещей, игнорировала национальные традиции и идеалы, отбрасывала страну назад и была равносильна самоуничтожению. Русские религиозные философы призывают интеллигенцию к перемене философских основ, к покаянию для выполнения своего предназначения — выработке националь-

ного самосознания на основе здорового национального чувства. Настоящая элита общества может быть только воцерковленной интеллигенцией — главный вывод, который следует из изучения русской религиозной философии. Но призыв веховцев к покаянию, предостережения о надвигающейся национальной катастрофе потонули в потоке критики и просто брани в их адрес.

С. Франк, анализируя причины нигилизма и беспринципности (наряду с фанатичной принципиальностью) «передовой» интеллигенции, приходит к выводу, что нравственное мировоззрение «новой элиты» заражено опасной идеологией, которая навязывается народу как истина, идейно оправдывая бесчинства, внедряя преступные идеалы и открывая пути для массовых и наиболее жестоких «преступлений по совести». «Самое ужасное в том и состоит, — пишет Франк, — что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности» [3. С. 181]. Он раскрывает не просто политическую несостоятельность этого движения, но его метафизическую глубину богоборческой и демонической сути. Еще не до конца осознав свое открытие, философ призывает нигилистов к обращению в христианство с его истинным гуманизмом.

Для достижения своих политических целей интеллигенция соблазняла народ ложным морализмом, мещанским идеалом потребительского счастья как смысла жизни человека, который достигался просто и чисто механически: не через творческий труд и разумное самоограничение, а в сфере распределения и собственности.

С. Франк пронизательно уловил движущую силу социалистической веры: счастье достижимо не в длительной и мучительной работе над собой, а в быстром, насильственном устранении внешних препятствий. Управлять этим процессом должна мыслящая интеллигенция, партия, устанавливающая собственную диктатуру. Именно по этой схеме проходила революция 1917 г.: не имея никакого «проекта России», теории хозяйственной реорганизации, «передовики» в межпартийной борьбе, дискуссиях, пропаганде создавали видимость управления — распределения, «под шумок» растаскивая национальное достояние.

Заслуга русских религиозных философов состояла в том, что они показали, что в ненависти и разрушении, в хаосе и терроре не создается, а разрушается личность и общество, подрываются силы народа, увеличивается его нищета — результаты, прямо противоположные от заявленных. Неизбежно, предвидит Франк, распределительный социализм увеличит управленческий аппарат, число посредников, охранников, администраторов и распределителей разного рода и уменьшит число подлинных производителей.

Философы русского зарубежья на основании трагического исторического опыта России осознали последствия мировоззренческого раскола интеллигенции, самоубийственного отрыва от национальной почвы. Г. Федотов в «Письмах о русской культуре» под «новой элитой» понимал будущую русскую интеллигенцию, которая сможет преодолеть отщепенство прежней, проникнуться пониманием своей национальной культурной миссии, не отрываясь от общеевропейских духовных корней.

И. Ильин в «Наших задачах» возрождение России связывал с отказом интеллигенции от безумного экспериментаторства и пониманием того, что «Россия есть живой организм», который не поддается, как показал опыт XX века, переустройству по некритически заимствованным западным стандартам. Н. Бердяев в приверженности и творческом развитии «русской идеи» видел предназначение национальной интеллигенции.

Идеи этих мыслителей по-прежнему актуальны в наше время перед лицом реальности очередного разрушения страны, что создает условия для ностальгии по коммунистическому прошлому.

Понимая, что ответить на весь круг проблем в статье невозможно, используем методологические принципы и понятия русских религиозных философов, которые были выработаны ими в начале XX века, и обратимся к решающей роли «трудовой интеллигенции» в либеральной революции, точнее — к анализу ее теоретических построений, составляющих «высший» рационально-теоретический уровень общественного сознания. Кроме того, используем выводы С. Кара-Мурзы из его книги «Потерянный разум» [4], в которой исследованы многочисленные публикации идеологов перестройки, относительно иррациональности их программ, заявлений и поразительной беззащитности людей перед внушением и манипулированием сознанием на обыденном уровне (1).

Развивая эту мысль, можно с полным основанием заключить, что социальные идеологии исторического материализма и либерализма строят слишком упрощенную, механистическую модель общественных процессов, которые удалены от исторической России. В результате управление, основанное на этих теориях, не обеспечивает реализацию целей развития, но, напротив, только стабилизирует кризисное состояние всех систем общества. Остановимся на этом подробнее.

Для достижения «общего блага» в качестве главного средства реформ было декларировано превращение советской хозяйственной системы в экономику свободного рынка, причем западного (англосаксонского) типа. В этом обнаружилось доктринерство, идолопоклонство перед отвлеченной Теорией, Экономическим Законом. Ведь еще сто лет назад русские религиозные философы (В. Соловьёв, С. Булгаков, С. Франк), критически оценивая экономизм и социологизм буржуазной политэкономии и марксизма, предложили в противовес этому свой принцип — «экономический историзм». В наше время и сами западные светила экономической мысли (Дж. Бьюкенен, Дж. Стиглиц, Дж. Гэлбрейт) подчеркивают роль культуры, экономической истории страны, экономической логики развития как условий успеха рыночных реформ.

Однако мышление интеллигенции 90-х годов обнаруживает те же стереотипы, какими страдали утопические проекты русских социалистов-утопистов. С. Кара-Мурза указывает на отвлеченность, догматизм, проявившийся в гипостазировании понятия «свободный рынок», которого давно уже не было даже на Западе, и прочих либеральных атрибутов, явившихся конкретно-историческими формами жизни западной культуры и не имевших всеобщей ценности. И другие понятия также схоластически гипостазировались, наделялись самостоятельной реаль-

ностью вне конкретно-исторического содержания, превращались в догмы. Так появились «правильный социализм», «гласность», «общечеловеческие ценности», «административно-командная система», «западные инвестиции», «частная инициатива», «демократия», «частная собственность», «приватизация», «экономическая свобода», «нормальная экономика», «магистральный путь», «конкурентно-способность», понимаемые как цели государства, а также склонность к утопическому мифотворчеству (2), имитации, аутицизм, неспособность к рефлексии, предвидению, противоречивость умозаключений, несоизмеримость используемых понятий, уход от фундаментальных вопросов, господство бессмысленных метафор, механистичность построений (3), отказ от структурно-функционального анализа (4), нарушение правил пользования количественной мерой (5) и т.д. Причиной же была приверженность искаженным смыслам: общество буквально загоняли в смысложизненные структуры мещанства, соблазняли буржуазной утопией. Русские религиозные философы еще сто лет назад показали губительность этого мировоззрения именно для России, несовместимость с ее культурой, ошибочность фетишизации механизмов собственности и распределения в ущерб программам по развитию производства (6).

Обнаруживая абсолютное непонимание русской национальной идеи, особенно предназначения России, с середины 80-х годов в элитарных кругах советской интеллигенции на «круглых столах» положительно обсуждалась перспектива будущего статуса нашей «неправильной» страны как зоны «периферийного капитализма» (значит, принимались и следствия нового курса — демодернизация и депопуляция) по логике, согласно которой «неправильное» не должно существовать. Из незнания своей страны, смысла ее истории, традиции управленческая элита пришла к отрицанию существования реальности, которая не согласуется с тем, что должно быть по западному образцу «гражданского общества».

Однако, делая такие заключения, С. Кара-Мурза не смог рационально объяснить причины поистине самоубийственной логики и абсурдной «воли к смерти». Для этого требуется «религиозно-метафизический» метод философов линии Достоевского, который основывался на теории изначальной духовной борьбы в сердцах людей как основе всех прочих разделений. По его убеждению, в России сложились две разные системы духовно-нравственных ценностей, и этот раскол созрел несколько столетий. Н. Бердяев, оценивая мировоззрение российских западников начала XX века, относит его к проявлениям «азиатской души», неспособной к рефлексии и самостоятельному мышлению.

Если советское общество, сохраняя многие черты традиционного общества, идеологически порывало с духовными традициями прошлого, то перестройка выявила подобное стремление к замене нашего культурного ядра, к стиранию исторической памяти о «неправильном» прошлом. Однако, утратив связь с прошлыми поколениями, общество превращается в скопище индивидов, которые не вспоминают и не обдумывают пройденное, живя «здесь и сейчас», не чувствуют ответственности за ход истории, не могут понять друг друга, договориться, найти решение в кризисной ситуации. Разрушение системы нравственных ориентиров,

исторической памяти, культ денег и силы повлекли за собой взрыв массовой преступности. Реформы породили совершенно ненормальную экономическую систему. Это нужно честно признать и пересмотреть ошибочные воззрения.

Противостояние вер и смыслов национальной жизни приводит к тому, что общество находится в состоянии перманентного кризиса (7). Управленческие структуры, а также их социальная база — гуманитарная и научно-техническая интеллигенция — оказываются в противоречивом положении: утрачивая «системную память», наличие которой делает возможной рефлексию, они не могут рационально оценивать опасности, прогнозировать их и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями. Более того, неадекватные выводы сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение системы, которое становится необратимым. С. Кара-Мурза говорит о кризисе когнитивной структуры управления и распаде сообщества управленцев: «Есть конгломерат личностей и клики, собранные «по интересам», но нет социальной системы, соединенной общими нормами и общей этикой» [4. С. 394]. Признаком этого он считает отсутствие серьезных дебатов по поводу обоснования социально важных решений (8). Но именно на основе единой цели — сохранения и укрепления национальной государственности — возможны компромиссы оппозиционных сил.

Оплошность неолиберального рационализма сказалось в уходе от фундаментальных вопросов, принципа иерархизма, соответственно — от сознательного выбора пути, что равнозначно отказу интеллигенции от выполнения едва ли не главной своей функции — предвидения. Отношение средств и целей, быта и бытия, как правило, даже не обсуждается. С. Кара-Мурза назвал это явление «подменной векторного мышления скалярным» [Там же. С. 201]. За частными проблемами скрывается истина об изменении типа общества и даже типа цивилизации, а значит, всех сторон жизни человека, его фундаментальных прав.

По сути, от общества, управляемого по принципу семьи, в котором эти права являются неотчуждаемыми, мы шли к механическому обществу, в котором все определяется рыночным механизмом платежеспособности, что затрагивало благополучие каждого гражданина. Главное то, что «либеральная доктрина неадекватна состоянию экономики РФ, нашей культуре и историческому опыту, а это — исключительно устойчивые ограничения» [Там же. С. 219]. Таким образом, наша страна находится перед историческим выбором, который нужно делать сознательно.

Мы перечислили основные мотивы отхода от рациональности либеральной интеллигенции, однако это скорее поверхностные признаки-причины, фундаментальные же причины «повреждения ума» находятся в области мировоззрения, главных ценностях и нормах. Русская культура в своей основе имеет православно-христианское мировоззрение, картину мира и соответствующую ей рациональность, для которой характерно познание, ориентированное на смысл жизни человека, его призвание, высшие ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Под рациональностью С. Кара-Мурза понимает относительно устойчивую совокупность правил, норм, стандартов познания и деятельности людей, а также ценностей, которые обеспечивают адаптацию и жизнь народа. Культура рациональности имеет долгую тра-

дицию, но для него важно обозначить некоторые формальные моменты, которые были связаны с развитием научного знания (Декарт, Кант, неопозитивизм). В русской религиозной философии рациональность имела аксиологическое измерение и рассматривалась в ценностно-смысловом контексте, как целесообразность деятельности, соответствие средств целям, при условии, что цель истинна. Высшей же целью деятельности человека полагалась жизнь, как его собственная, так и государства — необходимой формы жизнедеятельности общества.

- (2) В сознании интеллигенции создавалась целая серия разрушительных мифов, самый главный из которых — европоцентристский миф о том, что Запад через свои либеральные институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития, поэтому следует его копировать — сначала в соревновании с ним, потом в имитации его.
- (3) Заметим, что здесь сказался возникший в советское время идеологизированный стиль мышления, который противоречит здравому смыслу, интересам, ценностям жизни. Сама метафора «перестройки» толкала на предельно упрощенное механистическое мышление. Таким образом, механицизм и евроцентризм, впитанный с «молоком истмата», перешел к современному неолиберализму.
- (4) Важнейший принцип управления — структурно-функциональный анализ, который предполагает умение мысленно увидеть сложную структуру реформируемых институтов, систему их функций и то, как это реформирование сказывается на выполнении главных функций данного института, ради которых он и существует. Парадоксальным образом реформирование таких сложных систем, как вооруженные силы, образование, наука, энергетика, транспорт, здравоохранение, привело к значительному ослаблению их главных функций.
- (5) Для оценки экономической эффективности и вообще достижения цели нужно правильно пользоваться количественной мерой: параметрами системы, показателями (латентные величины системы) и критериями (отражающими представления о добре и зле), без которых в принципе невозможно рационально программировать целенаправленную деятельность. Это требование грубо нарушается при оценке хода реформ.
- (6) Примеров тому масса: вера в «возвращение в цивилизацию», в «наш общий европейский дом», в «западные инвестиции», в «постиндустриализм», при котором развитые страны будут обходиться без материального производства. При решении проблем насыщения потребительского рынка, возможности выбора в системах образования, здравоохранения и т.п. по существу предлагали разрушить ту государственную систему, которая как-то обеспечивала необходимым, и вместо модернизации провести демонтаж отечественной экономики.
- (7) Под кризисом мы понимаем вышедшую из рамок порядка борьбу интересов, разрушающую структуру общественной системы.
- (8) Примером нарушения логики С. Кара-Мурза считал связь конкурентных преимуществ образования с его «практической направленностью», т.е. со снижением уровня его фундаментальности, что как раз и лишает его преимуществ на мировом рынке труда; объявление программы борьбы с бедностью, повышения рождаемости при неизменном курсе реформ; совмещение приватизации с ожиданиями демократизации общественной жизни; улучшение экологической ситуации в связи с рыночной экономикой, которая принципиально неэкологична.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское мировоззрение. — М., 2003.
- [2] *Булгаков С.* Героизм и подвижничество // Вехи. — М., 1990.
- [3] *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. — М., 1990.
- [4] *Кара-Мурза С.Г.* Потерянный разум. — М., 2005.

PHENOMENON OF INTELLIGENTSIA IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILISOPHY IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

E.V. Alekhina

Department of Philosophy
Moscow State Regional University
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 107846

The article presents a critical analysis of utopian and nihilistic ideology and features of the rationality of revolutionary intelligentsia by Russian religious philosophers of the early twentieth century. In the centre of the author's attention are ideas of authors of the collection «Vekhi», that have not lost their value for understanding of the causes of catastrophic events in the socio-economic and humanitarian spheres of post-communist society.

Key words: Intelligentsia, Russian religious philosophy, rationality, methodology of social and philosophical knowledge.